

не можем сказать, какая конкретная программа скрывалась за принципом нестяжательства, проповедуемом и осуществляемом стригольниками: означал ли этот принцип только призыв к отказу от накопления богатств или за ним скрывалась тенденция ко всеобщему имущественному уравниванию, как у левых еретических течений Западной Европы. Во всяком случае этот принцип означал осуждение того резкого социального и имущественного неравенства, которое столь характерно для феодального общества, как и для всякого классового общества вообще, и которое санкционировалось и освящалось феодальной православной церковью.

Возвращаясь к характеристике церковной организации у стригольников, мы считаем возможным отметить, что поскольку стригольники, с одной стороны, проповедовали принцип личного нестяжательства, а с другой — выступали с резким осуждением церковных богатств, постольку мы вправе предположить, что общины стригольников не обладали собственностью. По своей организации общины стригольников напоминали, вероятно, раннехристианскую церковь с присущими ей уравнительными тенденциями и отсутствием духовной иерархии.

Стригольнические общины напоминали раннехристианскую церковь и еще в одном отношении — отсутствием сложной и пышной обрядности, выработанной феодальной церковью. Повидимому, стригольники не признавали служб, совершаемых в церквях духовенством. Место церковных служб занимала у них живая проповедь и молитвы, совершаемые учителями стригольников часто перед народом, под открытым небом. Сделать это предположение нам позволяет одно место из „Почуения“ Стефана Пермского. Среди наставлений о том, как себя должны вести истинные христиане в противовес еретикам-стригольникам, Стефан указывает: „Тако же молитися Христос в тайне повеле, всякого тщеславия и высокоумия убежати, не молитися на распутьях и на ширинах градных, ни выситися словеса книжными“.¹ Это место, как нам кажется, можно понимать в том смысле, что стригольники на городских улицах и площадях обращались со своей проповедью, наполненной „словесами книжными“, непосредственно к народу.

Из всех таинств и обрядов стригольники, насколько мы можем судить по показаниям источников, признавали лишь исповедь, причем последняя существовала у них в весьма оригинальном виде — в виде исповеди земле. „Еще же и сию ересь прилагаете, стригольницы, велите земли каются человеку“,² — пишет Стефан Пермский.

Своеобразие этого обряда побуждало каждого исследователя, писавшего о стригольничестве, пытаться в той или иной степени выяснить его содержание и происхождение. Различные точки зрения, высказывавшиеся по поводу происхождения обряда исповеди земле, по существу можно свести к двум. Представители одной точки зрения,³ являвшиеся сторонниками концепции иностранного происхождения стригольничества, выводили этот обряд из обряда покаяния, существовавшего у гейсслеров, которые, совершая покаяние, ложились кругом на землю, а затем подвергались ударам со стороны мастера-учителя.⁴ Вторую точку зре-

¹ РИБ, VI, № 25, стр. 222.

² Там же, стр. 223.

³ Н. С. Тихонравов, Сочинения, т. 1, М., 1898, стр. 214—216. — А. Марков. Определение хронологии русских духовных стихов в связи с вопросом об их происхождении. Богословский вестник, 1910, май, стр. 363—364.

⁴ Гейсслеры — еретическая секта, возникшая в XIV веке в Германии и затем распространявшаяся в другие страны Западной Европы. Свое название получила от немецкого слова „die Geißel“ („бич“), так как члены ее подвергались бичеванию.